

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

kiam@onego.ru

АНТРОПОЗООНИМЫ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАРЕЛИИ XV–XVII ВЕКОВ*

Карелия является сложной этнической зоной, и потому в документах XV–XVII веков на русском и шведском языках выявлены славянские и прибалтийско-финские, саамские антропозоонымы, являющиеся важной единицей ономастикона донационального периода. В зоонимической «парадигме» представлена иерархия животных (домашних и диких), которая отражает их значимость в картине мира в древности. При сопоставлении систем именования в разноязычных ономастиконах установлены совпадающие элементы – свидетельства ономастических и культурных универсалий. При этом славянский именник наиболее полно отражает процессы интерференции на ономастическом и апеллятивном уровнях, дает представление об особенностях взаимоотношений русских и прибалто-финнов на территории Карелии. Показано влияние писцов, как проводников христианского мировоззрения, в корректном отражении данного явления. Исследуемый период в ономастической системе – время развития и закрепления новых ориентиров в выборе мотива именования, поэтому в славянских и прибалтийско-финских по происхождению антропозоонимах следует предполагать расширение мотивационных рядов от древнейших, отражавших мифологическое сознание, которые ставили антропонимы в ряд некалендарных личных имен, до переносных, дающих оценку денотату и переводящих именование в ономастический разряд прозвищ. Таким образом, зоофорный ономастикон отражает этноязыковые процессы в региональной картине мира и динамику мотивационной парадигмы.

Ключевые слова: историческая региональная антропонимия, некалендарные имена, антропозооним, языковая интерференция, мотив именования

Антропозоонимы – это имена, которые восходят к названиям животных, рыб, птиц, насекомых, пресмыкающихся. Такие имена собственные в ономастике называют еще зоофорными (зооморфными) именами, зооантропонимами, антропонимами зоонимического типа. Наряду с некоторыми другими древними именами, привлекавшими выполнять магическую функцию, они входят в группу апотропейических имен.

Антропозоонимы фиксируются в системах именований многих народов мира, а в некоторых до сего дня являются фактом современного официального ономастикона¹. И потому они справедливо признаются древнейшей ономастической универсалией, восходящей к эпохе тотемизма, анимализма и зоолатрии, когда через имя происходило слияние личности с природой, что обуславливало представления о сущности имени в далеком прошлом: отождествление имени и его носителя или убеждение в существовании сокровенной связи между именем и человеком, вера в способность имени «замещать» человека и т. д. [3; 16].

Обратимся к анализу зоофорных антропонимов, зафиксированных в письменных (русскоязычных и шведских) документах Карелии XV–XVII веков. При учете расширяющейся и занимающей все большее ономастическое про-

странство христианизации именника список зоофорных именований следует признать широким. Вместе со шведскими материалами по Кексгольму насчитывается более 200 названий животного мира, которые фиксируются в основах именований жителей средневековой Карелии² (см. статистические данные в табл. 1).

Таблица 1

	Документы, составленные	
	русскими писцами	шведскими писцами
Животные	58 названий в основах 270 антропонимов	21 ↔ 173
Птицы	57 ↔ 169	22 ↔ 126
Рыбы	17 ↔ 68	7 ↔ 46
Насекомые	13 ↔ 37	4 ↔ 18
Прочие	6	–
Всего	151 ↔ 550	55 ↔ 363

Как видим, большая часть именований восходит к названиям животных и птиц, в меньшей мере – к названиям рыб и насекомых, единичны названия пресмыкающихся. Такая зоонимическая «парадигма» отражает иерархию животных в картине мира в древности, их роль в жизни народа, населявшего определенную территорию, то мифологическое сознание, сохранившееся

в различных элементах в более позднее время и, вероятно, повлиявшее на последующие переосмыслиния различных особенностей животных, связанных с переносом **животное → человек**.

Отметим относительность региональных статистических данных, поскольку в территориальном и временном планах исследуемые регионы несопоставимы. Кексгольм – это лишь часть бывшей Карелии (Водская пятна), представлен документами конца XVI – I пол. XVII века. Следовательно, и количество лиц, бывших жителей Карелии, и тех, кто пришел на эти земли после завоевания их Швецией, несопоставимо³. Книги, оформленные русскими писцами, относятся в основном к XVI веку. Информация о русском именнике XVII века извлечена из актовых материалов (сост. Р. Б. Мюллер), где содержится малая часть сведений о данной группе именований, заключенных, прежде всего, в патронимах.

По русским и шведским документам составлены отдельные ономастиконы. При этом шведские документы содержат по преимуществу прибалтийско-финский материал, но процессы интерференции в них нивелированы. Выделяется немногочисленная группа антропонимов со славянскими апеллятивными основами. Ср., например, в 1618 – **Contza** Mikiforof, **Muras** Ondrief, Sordowolski; 1631 – Oxentiko **Bebroi**, Salmis, Timoska **Utkin**, Pelgi Järfwi; 1637 – Иевко **Кашута** / Jiefko **Kesuton**, Соломенский п.; Максимко **Козел** / Maximko **Kassel**, Тогмозерский и др., носителями которых были русские, оставшиеся на шведской стороне после Столбовского договора, поэтому такие именования единичны в документах Кексгольмского лена: с 1590 по 1637 – 80 случаев (без учета повторяемости лиц).

Этноязыковые контакты наиболее полно отражаются в русскоязычных документах, что подтверждается примерами типа Гридка **Быков**, Егорьевский в Коигушах, ПКОП, 1496 / Юрий **Каргев**, XV в., Гейман (ср. фин., карел. **härkä**, карел. **härgä**, **härgē**, венс. **härg** ‘бык’⁴); Иванко **Лисица**, Олонецкий, ПКОП, 1563 / Данилко **Ребуев**, Пиркинический, КЗПОП, 1582/83 (ср. фин., карел. **rebo**, карел., венс. **reboi** ‘лиса’); Иванко **Жеравлев**, Сакульской, ПКВП, 1568; Гридка **Кургин**, Важинский, ПКОП, 1563; Якимко **Кургач**, Пиркинический, ПКОП, 1563; Василий Козмин сын **Кургоев**, Выгозерская вол., 1565, Гейман (ср. фин., карел. **kukki** ‘журавль’, карел. **kurgi**, венс. **kuřg**), а также Васюк **Гуйкиев**, Олонецкий, 1563, ПКОП (ср. фин., карел. **kuikka** ‘тагара’, карел. **guikka**, **guikk**); Тимошка **Тиккель**, Шуезерский, ДКЛП, 1597; дер. на Низу **Тикуевская** на реке на Мегре, Олонецкий, КЗПОП, 1582 (ср. фин., карел. **tikka**, **tikku** ‘дятел’); Минька **Мугуй**, Панозерский, ДКЛП, 1597 (ср. фин. **muhiu** ‘мелкий окунь’; Ф., 2, 669). Ср. подобные именования в документах Кесгольмского лена (**Härkä Mätti**, Tiurala, КЛ, 1618; **Jögen Repäi**, Ру-

häjerffnoj, КЛ, 1631; Peter **Kuikanen**, Ugo Niemi, КЛ, 1631; Larka **Tickui**, Soojärfwi, КЛ, 1631 (он же **Tikuief**, 1618); Anders **Tickele**, Tiurala, КЛ, 1631; Anders **Kurki**, Sordowala, КЛ, 1631; Pawilko **Muhie**, Iougio, КЛ, 1631) и др.

При этом совпадающие элементы в антропонимиках – нередкое явление (табл. 2).

Таблица 2

Примеры	
из русских документов	из шведских документов
Еремка Федоров Волк , Важенский, ПКОП, 1563	Hendrich Susi , Rautus, КЛ, 1631
Ивашка Выдра , Пудожский, КЗПОП, 1582	Anders Saukoin , Kurcki Jocki, КЛ, 1631
Жеребец , Никольский Гот-слав волок, ПКОП, 1496	Ossipko Warsu , Salmis, КЛ, 1631
Заец Парфеньев, Сакульской, ПКВП, 1568	Jwan Jänis , Kiriansk Bohåraditzk, 1618
Иванко Кротов , Андомский, ПКОП, 1563	Кормилка Мухряев / Cornillka Mychrief , Китецкий, ПК, 1637
Родивонко Лосев , Шуньгский, ПКОП, 1563	Jessipko Hirwoin , Libelis, КЛ, 1631
Фомка Медведь , Шальский, КЗПОП, 1582	Jören Karhu , Sackula, КЛ, 1631
Иванко Овцын , Важенский, ПКОП, 1563	Lammas Pecko, Jougis, КЛ, 1618
Гришка Собака , Выгозерский, КЗПОП, 1582	Jwan Hurtanen , Sordowolski, 1618
Ворон Юрьев, Кижский, КЗПОП, 1582	Sawa Korpainen , Suistamo, КЛ, 1618; Микко Корпнев / Miko Korpien , Китецкий, ПК, 1637
Ворона Костин, Выгозерский, ПКОП, 1563	Peer Wariss , КЛ, 1631
Онцифор Кулик Леонтьев сын, 1547, АСМ	Rijko Wilkunen , Sordowolski, КЛ, 1590
Синица Юркин, Ровдужский, ПКВП, 1568	Lauri Tiainen , Rautus, КЛ, 1631
Осифко Сокол , Варзуга, АСМ, 1575	Simon Haucka , Rautus, КЛ, 1631
Сменко Сорока , Городенский, ПКВП, 1568	Иванко Гаракин / Iwanka Harakin , Иломанский п., ПК, 1637
Федот Утка Матвеев, Сакульской, ПКВП, 1568; Степан Кряквин , Шуерецкая вол., не ранее 1556/57, АСМ	Dimitriko Sorssa , Suistamoij, КЛ, 1631
Еремка Ортемов Ерш , Андомский, ПКОП, 1563	Fedorko Kijskin , Ugo Niemi, КЛ, 1631
Олексейко Григорьев Щука , Паданский, ДКШВ, 1597	Степанко Гавкоев / Stepanko Haukoief , Китецкий, ПК, 1637
Чурак Вошков , Выгозерский, 1577, АСМ	Hinrich Kirpu , Sackula, КЛ, 1631
Жук Васильев сын, Кижский, КЗПОП, 1582	Peer Pörö , Sackula, КЛ, 1631
Комар Исааков, Важенский, КЗПОП, 1582	Michill Hyttinen , Sackula, КЛ, 1631
Семен Муха , Шуерецкая вол., 1556/57, АСМ	Maunus Kärpänen , Jougis, КЛ, 1618

Общие названия животных, выявленные в основах антропонимов, традиционны для любого этноса, они – свидетельства существования ономастических и культурных универсалий, которые и на сегодняшний день сохраняют в мифологиях разных народов языческий шлейф.

Более того, представленные примеры являются подтверждением того, что ономастические системы накладывались друг на друга, давая эффект интерференции и усложнения. Наиболее полно диалог разных этнических культур можно проследить при анализе антропозоонимов, вошедших в русскоязычные документы, где наряду со славянскими основами отмечаются именования прибалтийско-финского и саамского происхождения (**Кукой, Ребуй, Кургаль, Кярга, Гуйка, Сорка** и т. д.). В славянский антропонимикон они проникали в течение нескольких столетий, в количественном отношении это все же немногочисленные имена. Именно они придают славянской ономастической системе особый колорит.

Однако, как представляется, имена с прибалтийско-финскими основами следует разделить на две группы. Первая – антропонимы, носителями которых могло быть как русское, так и прибалтийско-финское население края: апеллятивные основы у таких собственных имен находим в нарицательной лексике и донационального периода, и в современной лексической системе русского языка и диалектов. Например, антропоним **Лох** (*Лох* Матфеев, Толвуйский, 1582/83, КЗПОП) восходит к апеллятиву лох, которое в др.-русск. языке имело значение ‘отошавший после нереста в реках лосось’ (СЛРЯ XI–XVII, 8, 287–288), сохранилось в современных говорах где **лох** – ‘исхудалая рыба’, «**лох** во время метания икры» (Алатырев, 37). Заимствовано из фин., карел., вепс. *lohi* ‘лосось’. Всего 14 подобных примеров.

Носителями второй группы имен могли быть только представители неславянского этноса. Так, основы именований **Каргуй, Кеттуй, Кукой, Кургин, Ребуй, Тиккуй, Товкой**, также извлеченные из русских письменных источников, в своем нарицательном употреблении не стали фактом русской языковой системы. Названные имена отмечены по памятникам письменности преимущественно на территориях основного расселения карел, вепсов, ср., например: 1563 – Гридка **Кургин**, *Важинский*; **Товкой** Литвин, *Важинский*; 1582/83 – Ларка **Каргуев**, *Остречинский*; Данилко **Ребуев**, *Пиркинический*; Дер. **Кургинская**, в ней Васка **Кургин**, *Оштинский*; 1597 – След Тимошки **Тиккель**, *Шуезерский*; 1675 – Оска Исаков **Кукой**, *Олонецкий* и т. д.

Таким образом, сначала заимствовались и на всех языковых уровнях осваивались названия реалий, с которыми русские не сталкивались до своего прихода на север, а потом по разным при-

чинам, скорее всего, уже не связанным с древними верованиями, такие названия онимизировались. Так, в основах именований выявлены такие названия животных, как **вашкал** ‘рыба’: «**Вашкал** – маленькая рыбка, сантиметров десять, на плотву похож маленькую; **вашкал** сушишт» *вашк.*; «**Мелкая, мелкая рыба** **вашкал**, она горькая» *подп.* (СРГК, 1, 166); **кёрча, керчак** ‘рыба бычок’ белом., кем., канд., тер. (СРГК, 2, 341); **кунжа, кумжа** ‘род лососи, лососевая форель’ севмор. (СРГК, 3, 58), арх. (Ф., 2, 416); **нерпь** ‘ластоногое млекопитающее семейства тюленевых’ канд. (СРГК, 4, 11); **турбак** ‘рыба *Leuciscus cephalus*’ лужск. (Ф., 4, 123).

На наш взгляд, фиксация зоонимов в основах имен собственных, отраженная именно в русских документах, – свидетельство тесных, мирных отношений русских и прибалто-финнов, саамов на территории Карелии исследуемого времени, а также того, что не только русская языковая система, но и русское сознание оказались более открытыми в плане заимствования, наиболее готовыми и терпимыми к принятию фактов других культур, их активному переосмыслинию. Пожалуй, в условиях сурового севера и накопленного опыта контактов с другими народами на территории Руси по-другому быть не могло.

Представляется, что у данного явления есть и оборотная сторона. Учитывая немногочисленность таких имен в обоих ономастиконах, можно предположить следующее: писцы могли калькировать часть имен – русские писцы заменяли прибалтийско-финские антропонимы именованиями с понятной основой или календарными, а шведы «подгоняли» славянские имена под более известные им финский, карельский языки.

Так, шведские документалисты в книге 1637 года, которая, как известно, имеет шведскую и идентичную ей русскую часть, оставили свидетельства того, когда один и тот же человек в разных частях данной книги был записан под разными именами, ср.: Анты Гирвонен – он же *Anti Siwoijnen*, дер. Сяргисюря, Китежский; Ганнуш Тикканен – он же *Hannus Ziokainen*, дер. Сигасалма, Либелицкий и т. д.

Вероятно, произволом писцов можно объяснить и то, что в ономастиконе, составленном по шведским документам, отсутствуют такие имена, как **Нерпа, Габун, Вашкал, Керчуй, Кунжа, Лох, Тиinda, Товкой**, имеющие прибалтийско-финскую основу и представленные в русскоязычных памятниках письменности. Возможно, это объясняется тем, что XV–XVII века – это время двуименности, и писцы, призванные вести одновременно христианскую миссионерскую деятельность, в официальный документ включали именно календарное имя, а некалендарные и прозвищные имена оставались в бытовом употреблении из-за свойственной им семантической и стилистической модальности.

XV–XVII века – это еще и время, в которое развились и закрепились новые ориентации в выборе мотива именования, возникшие на основе древней сложной мотивационной природы антропонимов и имен собственных, подобных им.

Доказательством может служить частотность зооименований. Предполагаем, что чем чаще имя отмечено в документах, тем более сложным набором предполагаемых мотивов именования оно обладает (от древних языческих до характеризующих).

Так, анализ списков показал, что в русскоязычных документах в основах именований «лидируют» следующие названия животных: **баран** (25 употреблений), далее следуют **волк** и **судок** (по 24), **заяц**, **медведь** (по 16), **ерш**, **козел** (по 15), **бобр**, **бык**, **зуй** (по 12), **кот**, **кукой** (*kukko* ‘петух’), **лисица** (по 11), **кошка** (10).

Именно эти имена функционируют в текстах памятников письменности в качестве личных именований, составляя с некоторыми другими некалендарными именами собственными конкуренцию календарным именам, ср. в Обонежье фиксируются в 1563: **Боранко** Васильев, Вытегорский; **Волк** Романов, Кижский; **Кот** Ларюков, Толвуйский; **Козел** Григорьев, Выгозерский и др.; в 1582/83: **Заец** Иванов, Пудожский; **Ерш** Михайлов, **Ворон** Юрьев, **Чиж** Ондреев, Кижский; **Мураш** Федко Семенов, **Лох** Матфеев, Толвуйский; **Бобр** Дмитреев сын Чевакин, **Ворона** Костин, **Курица** Денисов, Выгозерский; **Паук** Панкратов, Остречинский и др.

Частотность наиболее «культуроносных» зоонимов, нашедшая отражение в прибалтийско-финском ономастиконе, несмотря на ряд совпадений, иная: *häärkä* (бык) – 31, *kurki* (журавль), *kuikka* (гагара) – 24, *kettu* (лисица), *karhu* (медведь) – 20, *hirvi* (лось), *kiiski* (ерш) – 16, *saukko* (выдра) – 15, *orava* (белка), *tikka* (дятел) – 14, *susi* (волк) – 13, *hyttynen* (комар), *kukko* (петух) – 11, *ahven* (окунь) – 10, что свидетельствует о разном видении исследуемого фрагмента языковой картины мира у разных этносов, о разной роли тех или иных представителей животного мира в жизни народа, населявшего определенную территорию.

Если говорить о конкретном, но все же гипотетическом мотиве именования, то он амбивалентен: следует назвать охранную и одновременно пожелательную функции у таких имен в обоих ономастиконах. Практически за всеми антропонимами стоит или большое сильное животное – защитник именуемого, или животное, связанное с нижним миром злых духов, обитающих на небе, на земле, в воде, под землею, а следовательно, те же мотивы наречения актуальны. Менее вероятными видятся древнейшие мотивы, относимые исследователями к самым ранним в мифологических представлениях наших пред-

ков, связанные с тотемизмом, хотя, основываясь на данных фольклористов, этнолингвистов (см. работы [2], [4], [5] и др.), и такие мотивы могли быть, но их связь с появлением имени достаточно отдаленная.

Так, наиболее частое имя в русскоязычных документах Карелии – **Баран** (дер. Олферьевская: Иванко Иванов **Боран** да в том же дворе Иевко **Боранов**, Кижский, ПКОП, 1563; дер. на Ундрозере Карпиковская: в ней **Боранко** Васильев, Мегрежский, КЗПОП, 1582 и т. д.) может свидетельствовать о переплетении дохристианских верований с христианскими: баран в библейских представлениях славян считается чистым, благословенным животным, угодной Богу жертвой (СД; 3; 502). Безусловно, популярность имени могла быть обусловлена еще и pragmatischen установками: это одно из самых неприхотливых в северном хозяйстве домашних животных.

В самом частотном имени Кексгольма **Härkä** (*Härkä* Mätti, Tiurala; Michkaill *Härkäinen*, Kitäga, КЛ, 1618 и т. д.) можно усмотреть отсылку к мифологическим представлениям финно-угров, например, жертвоприношение большого быка для общего пира находит аналогию в святочных – новогодних – обрядах карел, близкое к указанному отношение к быку отмечено у эстонцев, описано в рунах «Калевалы». Предполагается, что кульп жертвенного быка восходит к охотничьему культу жертвенного оленя или лося и имеет очень древние истоки [8; 70–72]. Немаловажными для доказательства являются космогонические представления вепсов, которые связывают образ быка с созданием его из плодородной водной стихии [2; 295].

При этом имя **Бык** входит в число частотных и в русском ономастиконе Карелии (и всей Руси), что опять же связано с почитанием животного в народной традиции, в том числе на Русском Севере. Ср. с обычаем олонецких крестьян в Ильин день закалывать быка, кость которого, доставшаяся во время трапезы, якобы утраивает добычу, и т. д. (СД; 1; 273).

А вот имя **Lammas** (*lammas* ‘овца’, ‘баран’) не является частым в прибалтийско-финском ономастиконе конца XVI – середины XVII века, не более 5–6 употреблений типа **Lammas** Pecko, Jougis, КЛ, 1618; **Lammas** Tåäpi, Sackula, КЛ, 1631. Это связано с меньшей ролью барана и овцы в мифологических представлениях прибалто-финнов, хотя известно, что в раннем Средневековье у веси было достаточно развито овцеводство; овцы, бараны играли определенную роль и в мифоритуальном комплексе и т. д. [2; 322–329].

Как видим, несмотря на то что в данной универсальной антропонимической группе имеется определенное количество совпадающих единиц, конкретный выбор имени, особые предпочтения обусловлены верованиями народа. Например,

для прибалто-финнов особое значение имел кульптиц. Так, в ономастиконе Кексгольмского лена частотны имена, восходящие к названиям журавля и гагары (ср.: Nils **Kurkj**, Kurcki Jocki, КЛ, 1631; Федорко **Курки** (Fedårko **Kurcki**), Угненемский; Богдан **Курки** (Iwan **Kurcki** bobell), Шуйстомский, ПК, 1637 и т. д.; Demitko Denisi-eff **Kuika**, Kitäga, КЛ, 1618; Оллы **Куйка** (Olli **Kuika**), Куркиекский, ПК, 1637 и т. д.). Объяснение уходит в глубокую древность и связано с верой в птицу – творца мира и одновременно в птицу – часть мироздания, способную оберегать и вредить. Например, гагара «в мифах разных финно-угорских народов оказывается воплощением злого творца: Омоля у коми, Куль-отыра у манси; даже у саамов она считается женой черта» [8; 337]. Отсюда возможное предположение, что имя **Куйка** (**Kuika**) в средневековые времена имело охранную функцию, а имя **Курки** (**Kurcki**) – пожелательное, поскольку в исследованиях по мифологии журавль ассоциируется со счастливой семейной жизнью, его образ связывают с поклонением предкам, плодородием [2; 58–63].

Другим доказательством существования древнего мотива могут служить отдельные факты, отмеченные в ономастической системе XV–XVII веков. Например, соименования, которые обычно используются при именовании членов одной семьи. Однако обращают на себя внимание такие материалы, где имена одной тематической группы наблюдаются между жителями одного населенного пункта, ср.: дер. на Святе озерке, в ней Гридка **Меринов** внук, сусед его **Жеребец**, Никольский Готслав волок, ПКОП, 1496; дер. в Наволоке под погостом, в ней **Мураш** Федко Семенов, **Лох** Матфеев, Толвуйский, КЗПОП, 1582; поч. в Лигачи на горе надо мхом: в ней Федко Максимов **Волк**, Куземка **Боранов**, Мегрежский, ПКОП, 1563; За рекою за Федоровского на Спасской улице дворы тяглые... в них Никифорко Иванов **Теляшов**, Гриша Яковлев сын **Коровина** стекольник, Корела, ПКВП, 1568 и др.

Кроме того, до сих пор бытуют предания об оборотничестве. Интересным в данном случае является пример, отмеченный в русских документах, – Васка **Медвежья Голова**, Шуньгский, ПКОП, 1496. Ср. у восточных славян на севере существуют представления об оборотнях-медведях – рассказы о колдунах, принимающих облик медведя, об обращении ими в медведя людей, чаще всего участников свадеб, об обнаружении охотниками под шкурой убитой медведицы бабы в сарафане, невесты или свахи. Ряжение медведем встречается в свадебном обряде поляков. Представления о людях, способных обращаться в медведя, отмечены также у лужичан (СД; 3; 212). Подобные поверья сохранились в легендах вепсов [2; 106] и других финно-угорских народов: коми, мордвы [8; 196–197, 218, 298, 300],

а следовательно, не случаен пример из документов, относящихся к Кексгольму: *Jusko Karhapä, Ilomantsi Pogost*, 1631, где = Медвежья голова.

Безусловно, к указанному времени древнейшие мотивы именований, связанные с отражением названий животных в основах антропонимов, получили другой оттенок – характеризующий внешние или внутренние качества человека и, вероятно, другие особенности имянаречения [1], [7], [9], [10]. Иначе невозможно объяснить такое большое количество антропозоонимов. Ср. в русскоязычных документах Карелии XV–XVII веков отмечено достаточное количество имен собственных, имеющих фиксацию менее 10 употреблений в основах антропонимов (в порядке убывания): **Жук**, **Сокол**, **Воробей**, **Лебедь**, **Сорока**, **Щука**, **Комар**, **Конь**, **Кречет**, **Лунь** и др., еще реже **Бучень**, **Дятел**, **Селезень**, **Таракан**, **Гоголь**, **Кобыла**, **Коза**, **Корова**, **Кряква**, **Лось**, **Мошник**, **Сиг**, **Соболь**, **Хорь**, **Басарга**, **Гагара**, **Гусь**, **Кобель**, **Коппала**, **Мураш**, **Паскач**, **Рак**, **Свинья**, **Строка**, **Тетера**, **Ярец** и др. Более 50 антропозоонимов являются единичными: **Голубь**, **Еж**, **Курица**, **Паук**, **Потка**, **Снегирь**, **Соловей**, **Сом**, **Чиж**, **Щегол** и др. Представляется сомнительным, что многие из перечисленных имели мотивы, связанные с языческими верованиями.

Так, имя **Комар** (**Комар** Рудаков, Андомский, 1563, ПКОП) к указанному времени уже вряд ли отражало древнейшие представления. Известно, что в разных мифах комары близки злым духам; в фольклорной традиции сохранились мотивы, связанные с превращением героя в комара, чтобы, уменьшившись в размерах, иметь возможность проникнуть сквозь щель в нужное место. В фольклорных текстах комар выступает как юмористический персонаж, наделенный мужской символикой, комариному укусу приписывается эротизм и проч. Думается, что на основе сходства с внешним видом насекомого комаром могли назвать худощавого, невысокого человека [6; 238].

Подобное можно отметить и в прибалтийско-финской языковой системе. Ср. в русскоязычных документах отмечен Василий Родионов сын **Кеттуева**, 1571, АСМ. Основа антропонима в конечном итоге восходит к фин. *ketti* ‘лиса’ (СКЯ, Ливв., 136). Возможность прозвищного мотива именования, возникшего по модели животное → человек, может быть подтверждена *карел. ketti* ‘пленка’, ‘кожура’, ‘кожа, наружный покров тела’ (там же), откуда предполагается мотив, отражающий внешность именуемого (цвет волос, кожи) или качества характера, ср. в карельской фразеологии *ketti kürbenjä* ‘расправятся, всыплют (= шкура испечется)’ и пр. (см. Федотова, 75). Следовательно, подобные именования переходили в другую антропонимическую единицу – прозвище.

Таким образом, для исследуемого периода такие антропонимы – это свидетельства расширяющейся мотивационной парадигмы имени. Антропозоонимы, во-первых, отражают веру в силу имени – это имена-обереги или имена-пожелания; во-вторых, это имена-характеристики, появив-

шиеся по метафорической модели, дающие оценку денотату, подтверждая развитие новых мотивационных признаков и переводя известное ранее имя в другой ономастический разряд – разряд прозвищ. Как следствие, наблюдается изменение взглядов наших предков на картину мира.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Большое внимание таким именам уделяется в тюрко-татарской ономастике, где антропозоонимы до настоящего времени являются фактом ономастической системы.
- ² Отметим, что в общие подсчеты зооантропонимов включены личные имена, прозвища, патронимы, посессивные ойконимы, хотя последние могли в ряде случаев отражать места преимущественного обитания зверей, птиц, рыб.
- ³ В документах по Кексгольму в 1590 году упомянуто 337 человек, в 1618-м – 3140, в 1631-м – 5597, в 1637-м – 4437, ср. в Писцовой книге Обонежской пятини 1563 года упомянуто более 10 000 человек.
- ⁴ Перевод по: Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.

СОКРАЩЕНИЯ

- Алатырев** – Алатырев В. И. Словарь-вопросник по изучению заимствованных карельских, вепсских и финских областных слов в русских говорах КФ ССР. Петрозаводск, 1948.
- АСМ** – Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв.: Акты Соловецкого мон. 1479–1571 гг. / АН СССР. Ин-т истории СССР, Ленингр. отд. / Сост. И. З. Либерзон. М.: Наука, 1988.
- Гейман** – Материалы по истории Карелии XII–XVII веков / Под ред. В. Г. Гейман. Петрозаводск, 1941.
- ДКЛП** – Дозорная книга Лопских погostов, 1597 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 186–233.
- ДКШВ** – Дозорная книга Шуерецкой волости // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 234–254.
- К3ПОП 1582/83** – Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятини 1582/83 гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск; Йоенсуу, 1993. С. 35–341.
- КЛ 1590** – Переписная книга Корельского уезда 1590 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 265–274.
- КЛ 1618** – Переписная книга Корельского уезда 1618 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 284–387.
- КЛ 1631** – Переписная книга Корельского уезда 1631 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 388–568.
- Мюллер** – Карелия в XVII веке / Сост. Р. Б. Мюллер; под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948.
- ПК 1637** – Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Йоенсуу, 1991. 758 с.
- ПКВП** – Писцовые книги Водской пятини 1539 г., 1568 г. // История Карелии в XV–XVI вв. Сборник документов. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 19–178.
- ПКОП** 1496 г., 1563 г. – Писцовые книги Обонежской пятини, 1496 г., 1563 г. Л., 1930.
- СД** – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012 (Т. 1. 1995; Т. 3. 2004).
- СКЯ, Ливв.** – Словарь карельского языка. (Ливвиковский диалект) / Под ред. И. В. Сало и Ю. С. Елисеева; Сост. Г. Н. Марков. Петрозаводск: Карелия, 1990.
- СлРЯ XI–XVII** – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.: Наука, 1975–2008 (Вып. 8. 1981).
- СРГК** – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6. (Вып. 1. 1994; Вып. 2. 1995; Вып. 3. 1996; Вып. 4. 1999).
- Ф.** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Федотова** – Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахвалова Т. В. Лексические и фразеологические средства характеристики человека в русском языке (на материале орловских говоров): Автoref. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 1995. 40 с.
2. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 448 с.
3. Галиуллина Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: Автoref. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2009. 40 с.
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
5. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.
6. Кюрушунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. 672 с.
7. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1986. 231 с.
8. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 463 с.

9. Чайкина Ю. И. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. С. 43–49.
10. Черемисина М. И., Соппа Н. С. К вопросу о семантике зоохарактеристик (на материале русского образа ‘петух’) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 2. Новосибирск, 1973. С. 55–69.

Kyurshunova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ANTHROPOZOONYMICS IN MULTI-ETHNIC AREA OF KARELIA IN XV–XVII CENTURIES

Karelia is a complicated ethnic zone and, therefore, the Slavic, Baltic-Finnish, and Lappish anthropozoonymics, an important unit of onomastics of the pre-national period, are revealed in multiple documents of the XV–XVII centuries written in Russian and Swedish. The hierarchy of animals (domestic and wild) that reflects their importance in the world picture of ancient times is presented in the zoonomic “paradigm”. Congruent elements – the evidence of onomastic and cultural universals – are revealed by comparison of the naming systems in multilingual onomastics. Thus, the Slavic onomastics reflects most fully the interference processes on onomastic and appellative levels, and gives an idea of the features characterizing relationships of the Russians and the Baltic-Finns on the territory of Karelia. The influence of scribes (copyists), as the bearers of Christian beliefs, is shown through correct reflection of this phenomenon. The studied period in onomastic system is the time of development and establishment of new orientations of choosing motives for naming. It is necessary to foresee the expansion of motivational ranks in Slavic and Baltic-Finnish anthropozoonymics: from the most ancient, reflecting mythological consciousness that ranks anthroponyms with the non-calendar personal names, to figurative, giving assessment to the denotat and transferring naming into the onomastic category of nicknames. Thus, anthropozoonymic onomastics reflects ethno-linguistic processes in the regional picture of the world and dynamics of motivation paradigm.

Key words: historical regional anthroponymics, non-calendar names, anthropozoonymics, linguistic interference, motive of naming

REFERENCES

1. Бакхалова Т. В. *Leksicheskie i frazeologicheskie sredstva kharakteristiki cheloveka v russkom yazyke (na materiale orlovskikh govorov)*. Avtoref. diss. d-ra. filol. nauk [Lexical and phraseological ways of the characterizing a person in Russian (on a material of the Orel region dialects)]. An abstract of a Doctor of Philology dissertation]. Orel, 1995. 40 p.
2. Винокурова И. Ju. *Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii)* [Animals in traditional worldview of Veps (experience of reconstruction)]. Petrozavodsk, 2006. 448 p.
3. Галиуллина Г. Р. *Tatarskaya antroponiya v lingvokul'turologicheskikh aspektakh*. Avtoref. diss. d-ra. filol. nauk [The Tatar antroponiya in lingvocultural aspect]. Abstract dokt. philological sci. diss.]. Kazan', 2009. 40 p.
4. Гура А. В *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbolism of animals in Slavic national tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p.
5. Криничная Н. А. *Russkaya mifologiya: Mir obrazov fol'klora* [Russian mythology: World of images of folklore]. Moscow, Akademicheskiy proekt: Gaudeamus Publ., 2004. 1008 p.
6. Куршунова И. А. *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvishch i famil'nykh prozvanii Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv.* [Reference book (dictionary) of non-calendar personal names, nicknames and family pro-ranks of the North Western Russia of the XV–XVII centuries]. St. Petersburg, Dmitry BULANIN Publ., 2010. 672 p.
7. Лук'янова Н. А. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya* [Expressive vocabulary of colloquial use]. Novosibirsk, 1986. 231 p.
8. Петрухин В. Я. *Mify finno-ugrov* [Myths of the Finn-Ugrs]. Moscow, 2005. 463 p.
9. Чайкина Ю. И. Semantics of expressive words with the meaning of personal characteristic in the lexical-semantic system of a dialect [Semantika ekspressivov so znacheniem lichnostnoy kharakteristiki v leksiko-semanticeskoy sisteme govora]. *Severnoruskie govory. Vyp. 6* [The North Russian dialects. Is. 6]. St. Petersburg, 1995. P. 43–49.
10. Черемисина М. И., Соппа Н. С. To a question of semantics of zoocharacteristics (on a material of the image of the Russian word ‘rooster’) [K voprosu o semantike zookharakteristik (na materiale russkogo obrazza ‘petukh’)]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya. Vyp. 2* [Actual problems of a lexicology and word formation. Is. 2]. Novosibirsk, 1973. P. 55–69.

Поступила в редакцию 16.07.2013